

0 773219

На правах рукописи

Артёмова Татьяна Викторовна

**НАРРАТИВ КАК КОМПОНЕНТ
РИТОРИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
ОБВИНИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕЙ А. Ф. КОНИ**

10.02.01 – русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Кемерово 2008

0- 773219

На правах рукописи

Артёмова Татьяна Викторовна

НАРРАТИВ КАК КОМПОНЕНТ
РИТОРИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
ОБВИНИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕЙ А. Ф. КОНИ

10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439061

Кемерово 2008

Работа выполнена на кафедре стилистики и риторики
ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Катышев Павел Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Максимова Наталья Викторовна
кандидат филологических наук, доцент
Доронина Светлана Валерьевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Бийский педагогический
государственный университет им.
В. М. Шукшина»

Защита состоится 20 декабря 2008 г. в 11.00 часов на заседании
диссертационного совета Д. 212. 088. 01 по защите диссертаций на соис-
кание ученой степени доктора филологических наук в ГОУ ВПО «Кеме-
ровский государственный университет» по адресу: 650043, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.

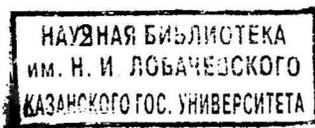
С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

Автореферат разослан «10» ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

О. А. Булгакова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено изучению нарратива в лингвопрагматическом аспекте, учитывающем характер употребления составляющих коммуникативного акта для создания перцептивно выделенного сигнала. В соответствии с представлением о речевом воздействии как использовании закономерностей и уровней организации сообщения для создания влиятельного высказывания (А. Н. Баранов, Р. М. Блакар, П. Б. Паршин), нарратив трактуется в качестве способа дискурсивной реализации событийного содержания; при этом характер воплощения события обуславливается как типическими, так и ситуативными особенностями коммуникативной позиции говорящего, созданного им образа адресата, а также предмета речи и совершается на протяжении риторической деятельности индивида. Изучение риторической деятельности признанного судебного оратора XIX века А. Ф. Кони свидетельствует о прагматическом потенциале нарратива, его способности не только формировать и формулировать событие правонарушения приемлемым для состава присяжных образом, но и претерпевать со временем необходимые изменения, связанные с подчинением схеме развивающегося события структурных особенностей текста, а также с упрощением приемов его создания и обеспечением условий его полноценного восприятия.

Актуальность темы обусловлена рядом тенденций современной лингвистики:

1) интересом исследователей к проблемам риторики (А. А. Волков, Н. Н. Ивакина, А. А. Ивин, П. А. Катышев, Е. В. Клюев, А. К. Михальская, Ю. В. Рождественский, А. П. Сковородников, И. А. Стернин, Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина), а также становлением парариторических дисциплин (прежде всего прагмалингвистики, когнитивной лингвистики, теории речевых актов, лингвистики дискурса, социо- и психолингвистики, коммуникативной стилистики и стилистики языка личности, ортологии языка и речи) и, соответственно, фокусированием внимания ученых на прагматике высказывания, его обусловленности социокультурным и социокоммуникативным контекстом, влияющим на характер кодирования и декодирования смысла (А. Н. Баранов, Р. М. Блакар, Т. А. ван Дейк, В. З. Демьянков, П. Б. Паршин, Г. Г. Почепцов, С. А. Сухих, И. В. Труфанова, М. Фуко);

2) активной разработкой стратегической модели порождения и понимания высказывания, приведшей к выделению различных типов стратегий, а именно: коммуникативной (Н. С. Болотнова, И. Н. Борисова, О. С. Иссерс, Е. В. Клюев, И. А. Иванчук, И. В. Кузнецов, Н. В. Мак-

симова, А. П. Сквородников, В. П. Тюпа, В. Е. Чернявская, Х. Я. Ыйм, Т. Е. Янко, Т. Е. Яцуга), речевой (О. С. Иссерс, С. А. Сухих, И. В. Труфанова), коммуникативно-речевой (Т. В. Матвеева, А. К. Михальская), лингвориторической (А. А. Ворожбитова), риторической (А. Б. Бушев, Л. М. Грановская, Т. А. ван Дейк, О. С. Иссерс, А. К. Михальская, В. И. Тюпа); при этом для лингвопрагматики самостоятельный интерес представляют именно коммуникативная и риторическая стратегии как типовой (конвенциональный) и индивидуально-ситуативный способы кодирования замысла высказывания;

3) увеличением числа нарратологических исследований, выполняемых в различных областях гуманитарного знания – философии (И. Брокмейер, П. Рикер, Е. Г. Трубина, Р. Харре), философии истории (Ф. Анкерсмит, А. А. Олейников, Ю. В. Шатин, И. В. Янков), психологии (Е. С. Калмыкова, О. В. Курышева, Э. Мергенталер), социологии (Д. А. Курышева, В. Н. Сыров, И. В. Троцук, Е. Р. Ярская-Смирнова), педагогике (А. Г. Карабаева, О. В. Струканова, В. П. Федорова), – и, что наиболее важно, в литературоведении (М. Н. Дарвин, И. В. Кузнецов, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, В. Шмид) и лингвистике (К. А. Андреева, Т. А. ван Дейк, В. З. Демьянков, Г. М. Костюшкина, Н. В. Максимова, Е. В. Падучева, В. В. Петрухин, Е. А. Попова, А. П. Чудинов, К. Э. Штайн, Т. Е. Янко), где, наряду с изучением нехудожественных текстов (Т. А. ван Дейк, В. З. Демьянков, Н. В. Максимова, А. П. Чудинов, К. Э. Штайн), происходит уточнение терминологического аппарата дисциплин, в частности, разграничение категорий нарратива, повествования, рассказа, изложения (В. И. Тюпа, Н. В. Максимова);

4) развитием междисциплинарных направлений исследований, в частности онтолингвистики (А. Г. Антипов, Т. А. Гридина, Вяч. Вс. Иванов, И. А. Иванчук, К. Ф. Седов, С. Н. Цейтлин, А. М. Шахнарович) и юрислингвистики (Л. А. Араева, А. Н. Баранов, Ю. А. Бельчиков, К. И. Бринев, Н. Д. Голев, С. В. Доронина, М. В. Горбаневский, Н. Н. Ивакина, П. А. Катышев, Т. И. Краснянская), подтверждающих статус языка (речи) как особой семиотической системы, как условия и способа формирования разнообразной познавательной и коммуникативной деятельности субъектов и рассматривающих, в числе прочего, вопросы прагматического функционирования языка в «биографии» (Вяч. Вс. Иванов) коммуникативной личности и социально маркированном контексте;

5) вниманием современной лингвистики, в том числе стилистики языковой личности (А. Г. Антипов, Н. С. Болотнова, В. И. Карасик, П. А. Катышев, И. И. Ковтунова, Н. А. Коженикова, М. П. Котурова, С. В. Оленев, Ю. С. Паули, Н. В. Сайкова, И. А. Тарасова) и неориторики (Н. А. Безменова, А. А. Волков, П. А. Катышев, Е. В. Клюев, Ю. В. Рож-

дественский, И. А. Стернин), к проблеме самобытного использования ресурсов языка и прагматической ситуации для самовыражения и взаимопонимания индивидуальностей, в свете чего особую значимость приобретает изучение риторической стратегии как семиотического механизма выдвигания определенного формирующего элемента (доминанты) для воплощения авторской манеры речевого воздействия.

Степень научной разработанности темы. Несмотря на интенсивность изучения прагматики коммуникации, а также на интерес ученых к проблемам нарративной деятельности индивида, в русистике ощущается необходимость:

1) разработки стратегического описания способов воздействующего кодирования высказывания, среди которых одним из недостаточно изученных выступает механизм вербального воплощения предметного содержания речи, произносимой в ситуации судебных прений перед составом присяжных заседателей, т.е. в рамках институционального социокоммуникативного контекста;

2) развития учения о риторической стратегии как условия оптимального кодирования замысла в конкретной ситуации выступления и способа самовыражения личности оратора – способа, претерпевающего видоизменение на всем протяжении риторической карьеры индивида;

3) создания примеров дискурсивного анализа нарративного компонента риторической стратегии коммуникативной личности, заботящейся о собственном риторическом мастерстве.

Все вышеперечисленные обстоятельства предопределили выбор темы диссертационного исследования.

Объектом исследования является нарратив судебных речей А. Ф. Кони – оратора конца XIX века, выступавшего в роли государственного обвинителя в суде присяжных.

Предмет исследования составляет нарратив, рассматриваемый как способ воплощения событийного содержания обвинительной речи, существенный для манеры речевого воздействия А. Ф. Кони.

Научная гипотеза исследования заключается в предположении о значимости для риторической стратегии А. Ф. Кони нарратива как динамической структуры, ответственной за контекстуально обусловленное воплощение событийного содержания.

Цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы рассмотреть нарратив как способ воплощения риторической стратегии обвинительных речей А. Ф. Кони. Реализация данной цели предполагает постановку и решение следующих задач:

1) на основе исторического освещения нарратологической проблематики сформировать представление о *нарративе* как составляющей сообщения и способе дискурсивного конструирования, связанного с от-

бором и упорядочением квантов событийного содержания посредством речеактового и композиционного оформления высказывания;

2) охарактеризовать терминосистему, составляющую основу стратегического описания нарратива, в частности определить *адресата* как важную прагматическую предпосылку существования стратегии, *коммуникативную стратегию* как типичный способ взаимодействия участников речевого общения и условие реализации *риторической стратегии* – индивидуально-авторского способа реализации речевого воздействия;

3) разработать уровневую модель описания нарратива, учитывающую ярусы (а) *семантической нарративной системы*, ориентированной на отбор компонентов события, (б) *речевых актов* оперирования нарративными компонентами и (в) *композиции*, отвечающей за тематическое членение текста.

4) представить нарратив обвинительных речей А. Ф. Кони как (а) совокупность содержательного, речеактового и композиционно-тематического уровней, демонстрирующих детальную разработку оратором элементов события, разнообразие способов оперирования нарративными компонентами и тематическую упорядоченность речевых актов; (б) «биографический» показатель совершенствования риторической манеры оратора.

В качестве основного метода используется *дискурсивный анализ*, рассматривающий язык как форму социальной практики и ориентирующий на интерпретацию изучаемого явления с учетом влияния прагматического контекста и авторских интенций.

За *методологическую основу* исследования приняты базовые положения классической и современной риторики о прагматике высказывания (Аристотель, А. А. Волков, А. А. Ивин, П. А. Катышев, Е. В. Клюев, А. К. Михальская, Ю. В. Рождественский, И. А. Стернин, Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина), исследования нарратива, нацеленные на изучение свойств, функций и организации событийно ориентированного текста (И. Брокмейер, Н. В. Максимова, Е. В. Падучева, П. Рикер, В. И. Тюпа, Р. Харре, Т. Е. Янко), онто- и юрислингвистики о языке (речи) как способах существования и действия индивидов (Л. А. Араева, Н. Д. Голев, П. А. Катышев, К. Ф. Седов, С. Н. Цейтлин, А. Н. Шахнарвич), стилистики языковой личности как носителя творческого отношения к свойствам естественного языка, сообщения и составляющим прагматического контекста (Р. М. Блакар, Н. С. Болотнова, П. А. Катышев, М. П. Котюрова, С. В. Оленев, Ю. С. Паули, В. А. Пищальникова, И. А. Тарасова).

Материал исследования составили 14 обвинительных речей А. Ф. Кони, произнесенные им в суде присяжных в период с 1868 по 1875 гг.

Научная новизна исследования связана с (а) трактовкой нарратива как индивидуально-авторского способа воплощения воздействующего потенциала высказывания, (б) разработкой трехуровневой модели анализа нарративной организации обвинительной речи, (в) введением в научный оборот лингвопрагматического описания риторической стратегии А. Ф. Кони, отражающей усиление предметного содержания обвинительной речи, а также становление ораторского мастерства личности.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии идей лингвистической прагматики, риторики, теории нарратива, онто- и юрислингвистики о роли языка и речи в самовыражении и взаимопонимании индивидов, формировании их коммуникативной компетенции, а также в разработке принципов и процедур дискурсивного анализа риторической стратегии, характеризуемой по показателям нарративного содержания, речеактного и композиционного упорядочения событийного целого.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов при создании методик анализа коммуникативных и риторических стратегий, методик развития ораторского мастерства, при корректировке вузовских курсов по дисциплинам речеведческого цикла.

Апробация результатов исследования. Основные результаты и содержание диссертации были представлены в докладах и сообщениях на Международной научной конференции «История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания» (Ростов-на-Дону – Адлер, 6–12 сентября 2003 г.), Международной научной конференции «Актуальные проблемы русистики» (Томск, 21–23 октября 2003 г.), V и VI Международных научных конференциях «Наука и образование» (Белово, 26–27 февраля 2004 г. и 2–3 марта 2006 г.), II Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты» (Бийск, 22–24 сентября 2004 г.), Международной научной конференции «Актуальные проблемы современного словообразования» (Кемерово, 1–3 июля 2005 г.), Международной научной конференции «Актуальные проблемы современной филологии: теория и практика» (Красноярск, 21–23 сентября 2005 г.), X Международной конференции по риторике «Риторика и культура речи в современном обществе и образовании» (Москва, 1–3 февраля 2006 г.), III Международных Бодуэновских чтениях «И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания» (Казань, 23–25 мая 2006 г.), XV Симпозиуме

по психолингвистике и теории коммуникации «Речевая деятельность, языковое сознание, общающиеся личности», посвященном памяти А. А. Леонтьева (Москва, 30 мая – 1 июня 2006 г.), Международной конференции «Русский язык и современное российское право» (Кемерово, 3–7 октября 2006 г.), II Международной конференции «Актуальные проблемы современного словообразования» (Кемерово, 3–5 июля 2007 г.), Международной научной конференции «Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика» (Кемерово, 25–27 октября 2007 г.), Международной научной конференции «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» (Екатеринбург, 24–26 апреля 2008 г.), Международной научно-практической конференции «Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов» (Кемерово, 4 июля 2008 г.), на Всероссийском круглом столе «Коммуникативные стратегии текста» (Москва, 18 мая 2007 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Русский язык как важный социальный фактор объединения наций и народностей» (Владикавказ, 19–21 декабря 2007 года), научной конференции кафедры стилистики и риторики ГОУ ВПО «КемГУ» «Междисциплинарные исследования в современной лингвистике» (Кемерово, 17 июня 2006 г.). Идеи, основные положения и результаты исследования обсуждались на научных семинарах кафедры стилистики и риторики факультета филологии и журналистики Кемеровского государственного университета. Проблематика диссертации отражена в 25 статьях и тезисах докладов, в том числе в 2 публикациях в журналах, рецензируемых ВАК (общий объем 11,45 п. л.), а также в публикации, помещенной в учебном пособии «Риторика» (2002, 2006 гг.) (0,8 п. л.), и электронном издании «Риторика», зарегистрированном в Информрегистре, и авторском свидетельстве.

На защиту выносятся следующие положения:

1) В соответствии с прагматическим подходом, нарратив определяется как дискурсивный способ конструирования события и компонент риторической стратегии, представляющей собою индивидуально-авторский и ситуативно-обусловленный механизм речевого кодирования установки на адресата. Нарратив ориентирован на усиление предметной составляющей речи, его воплощение обеспечивается семантической нарративной системой, ответственной за представленность элементов события, или *нарративных компонентов* (далее – *НК*), в тексте, а также речевыми актами оперирования нарративным содержанием и композицией как тематическим объединением речевых актов.

2) Риторическая стратегия обвинительных речей А. Ф. Кони учитывает образ адресата как человека здравомыслящего, способного к самостоятельному и справедливому решению, но не могущего собственными силами разобраться во всех представленных на суде доказательств

вах. Прагматически значимым способом авторского воплощения образа адресата выступает нарратив, обеспечивающий полноту содержания правонарушения за счет включения *исходных, промежуточных и доказываемых* НК, предполагающий использование, с одной стороны, речевых актов *фальсификации, включения и расположения* для анализа и синтеза фрагментов криминального события, а с другой – композиции для тематического распределения речевых актов по следующим частям: *изложению фактических обстоятельств дела, анализу и оценке собранных по делу доказательств, анализу причин и условий совершения преступления, характеристике личности подсудимого, характеристике личности потерпевшего, обобщению результатов анализа обстоятельств дела, формулированию тезиса речи.*

3) Судебный нарратив как средство индивидуально-авторского видения и обоснования события на протяжении ораторской деятельности А. Ф. Кони развивается под влиянием *языковой, экстралингвистической и субстантной* (предметной) детерминант, т.е. при учете структурно-коммуникативных особенностей русского языка, свойств адресата судебных прений и особенностей события правонарушения. Происходящие в нарративе изменения состоят в преобладании синтеза над анализом и выражаются в: (а) стремлении оформить обвинение по логике развивающегося события; (б) увеличении доли речевых актов расположения, обеспечивающих систематизацию нарративных компонентов, установленных либо в ходе следствия, либо в процессе аргументации оратора; (в) подчиненном положении композиционного элемента «анализ и оценка собранных по делу доказательств» относительно частей, ориентированных на целостное представление произошедшего (изложения фактических обстоятельств дела, анализа причин и условий совершения преступления, характеристики личности подсудимого, характеристики личности потерпевшего, обобщения результатов анализа обстоятельств дела, тезиса речи).

Структура работы. Диссертация изложена на 232 страницах печатного текста и состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, включающего 267 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность и степень научной разработанности темы, формулируется рабочая гипотеза, определяются объект, предмет, цель, задачи, методологическая основа и метод исследования, а также характеризуется материал, раскрывается научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретические предпосылки моделирования нарратива» прослеживается история понятия «нарратив», характеризуется антропокомпонент «адресат» как предпосылка риторического описания нарратива, дается определение нарратива как элемента риторической стратегии, ориентированного на конструирование предметного содержания речи.

Изучение нарратологической проблематики восходит к античным риторикам, хотя само понятие «нарратив» появилось и стало активно использоваться только в конце XX века. Категориями, имеющими отношение к теории нарратива, выступают «повествование», «изложение» и «рассказ».

В работах Аристотеля повествование и изложение рассматриваются как средства ситуативного использования языка и речи. Праобраз прагматического изучения нарратологически значимых категорий демонстрируют также русские риторы XVII – начала XX вв. (Е. В. Белявский, К. П. Зеленецкий, Н. Ф. Кошанский, А. Ф. Мерзляков, В. Т. Плаксин, М. Ф. Пуле, П. В. Смирновский), ориентированные на создание свода правил оптимального использования повествования. В начале XX века, в период формализма, особое внимание уделяется изучению структурных особенностей повествования: ставится проблема выделения смысловых единиц повествования (В. Я. Пропп), рассматриваются повествовательные приемы регулирования читательского внимания (Б. В. Томашевский, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум). Значительный вклад в разработку нарративной проблематики внес французский структурализм: его представителями были созданы универсальные модели повествовательного текста и повествовательного акта (Р. Барт, К. Бремон, Ж. Женетт), введен в научный оборот и сам термин «нарратив», первоначально синонимичный термину «повествование». В отечественной лингвистике текста (К. А. Андреева, Л. М. Лосева, О. И. Москальская, О. А. Нечаева, Г. Я. Солганик, З. Я. Тураева) повествование изучается как (1) текстовая категория, занимающая срединное положение между предложением и собственно текстом и обладающая особыми синтаксическими и морфологическими средствами организации; (2) структура целого текста. В лингвистике 80–90-х годов категория нарратива приобретает самостоятельное значение: с одной стороны, под нарративом понимается художественный текст (Е. В. Падучева), с другой – любой текст, повествующий о событии или ряде событий (Е. А. Попова, Т. В. Ефимова, В. Г. Будыкина, В. В. Сысоева). Со становлением антропоцентрической парадигмы в гуманитарных науках происходит осознание онтологической значимости нарратива, поэтому он выступает объектом изучения философии и философии истории (Ф. Анкерсмит, М. И. Бацер, П. Рикер, С. Кизюков, Ю. В. Шатин), психологии,

психоанализа (Я. М. Еремеев, Е. С. Калмыкова, Э. Мергенталер, О. В. Курышева, Д. А. Кутузова, Ж. Лакан), социологии (В. Н. Сыров, И. В. Троцук, Е. Р. Ярская-Смирнова). В литературоведении появляется новая дисциплина – нарратология, трактующая художественный нарратив как специфическую дискурсивную деятельность. Именно с нарратологией связывается разграничение понятий повествования (=типа текста), рассказа (=специфичного жанра) и нарратива (=дискурсивной деятельности) (В. И. Тюпа). В последние годы понятие «нарратив» активно используется и в лингвистике дискурса (исследования И. В. Красноперовой, Н. В. Максимовой, В. П. Свищерской посвящены изучению художественного нарратива, работы П. В. Петрухина, К. Э. Штайн – рассмотрению исторического нарратива, Е. И. Шейгал, А. Г. Кириллова, А. П. Чудинова, Т. В. Марченко – политического нарратива, Т. А. ван Дейка, И. С. Веселовой, В. З. Демьянкова – обыденного нарратива). Опыт изучения нарратива нехудожественной речи позволяет констатировать, что рассматриваемая категория представляет собою *дискурсивный способ воссоздания события с помощью рассказывания и / или обоснования отдельных событийных компонентов*.

Риторический аспект исследования нарратива из всех компонентов контекста на первый план выдвигает адресата как прагматическое предусловие реализации дискурса. Поэтому риторическая деятельность говорящего рассматривается как соотнесение присущих адресату свойств со способами воплощения высказывания, в число которых входит и нарратив. Характер соотнесения прагматических предусловий со способами их реализации имеет стратегическую природу, т.е. одновременно конвенционален и индивидуален – подчинен действию коммуникативной и риторической стратегий. *Коммуникативная стратегия* – это дискурсообразующая категория, «инвариантная модель» взаимодействия участников коммуникации, формируемая функциями субъекта, адресата и предмета высказывания, имеющая типический, надындивидуальный характер. *Риторическая стратегия* – это индивидуальное воплощение коммуникативной стратегии, регулируемое авторским представлением об адресате. Применение нарратива в качестве элемента риторической стратегии связано с усилением предметной составляющей речи, необходимым для восстановления в сознании слушателя целостной картины произошедшего и связанным с отбором, переосмыслением и упорядочением квантов события на семантическом, речеактовом и композиционном уровнях организации высказывания.

Во второй главе «*Нарратив обвинительных речей А. Ф. Кони*» с опорой на коммуникативную стратегию обвинительной речи и свойства определенного адресата судебных прений раскрываются особенности

нарратива как носителя воздействующего потенциала выступлений А. Ф. Кони и показателя его риторической биографии.

В соответствии с российским судебным законодательством второй половины XIX века, *обвинительная речь есть речь прокурора, произносимая в судебных прениях суда первой инстанции по уголовным делам*. Сложность процесса судебного разбирательства предоставляет оратору, выступающему в прениях, широкие возможности для осуществления собственного творческого потенциала. Поскольку одним из важных условий реализации обвинения выступает уместность избранного оратором способа выражения мысли, одна из задач, стоящих перед обвинителем, заключается в поиске адекватных представлений об аудитории.

В трудах и выступлениях А. Ф. Кони отражаются важные свойства состава присяжных заседателей – их некомпетентность в юридических вопросах, неискусенность в понимании развернутой аргументации, желание и готовность разобраться в судебном споре, самостоятельность в оценке и принятии законного решения по делу. Такое понимание образа адресата обуславливает и ораторские способы представления события правонарушения. Так, современники, а впоследствии и биографы выделяют две основные черты ораторской манеры А. Ф. Кони: с одной стороны, ее аналитичность, а с другой – «рассказовость». Для А. Ф. Кони важно обосновать компоненты события и связь между ними, а также показать последовательность элементов события как целого. Большая часть совершаемых оратором речемыслительных операций направлена на восстановление в сознании адресата события во всей его полноте, даже если это осуществляется с помощью не только речевых актов повествования, но и обоснования.

Конструирование семантической нарративной системы в речах А. Ф. Кони подчинено стремлению оратора (1) представить событие во всей полноте; (2) обратить внимание слушателей на те моменты, которые, по мнению обвинителя, позволят присяжным сформулировать ответы на вопросы, поставленные судом. Минимальной содержательной единицей нарративной системы выступает НК. Добытые в ходе предварительного расследования и судебного следствия факты не во всех случаях позволяют автору доказать тезис, и ему приходится путем анализа и синтеза имеющегося материала восстанавливать требуемые НК. Выделяются исходные, промежуточные и доказываемые НК: если исходные НК черпаются говорящим из материалов дела, фоновых знаний слушателей и собственного опыта оратора, а доказываемые НК составляют тезис речи, то промежуточные НК выступают в качестве связующего звена между фактами и тезисом, обеспечивая доказательность и последовательность развития мысли. Аналитическая деятельность А. Ф. Кони состоит в выявлении в исходных НК нужной «идеи», которая, переформулируясь в

промежуточных НК, находит окончательное воплощение в доказываемых НК.

Например, в речи «По делу об убийстве иеромонаха Иллариона» для установления недостающих промежуточных НК (В и D) приводятся те элементы события, которые названы в результатах осмотра происшествия НК (А и С): *Прежде всего, что это такое? Убийство, очевидно. С какой целью? (А) Разломанная шкатулка, раскрытые комоды, разбросанная одежда - все это прямо говорит (В) о совершении преступления с целью грабежа. В какое время? (С) Отцу Иллариону после вечерни, следовательно в 5 часов вечера, в 6-м, были принесены дрова и вода для самовара; затем у него найден самовар, почти полный водою, в чайнике, налитом доверху, заварен чай, чашка суха; видно, что, вернувшись от вечерни, он заварил чай и не успел выпить. Итак, (D) приблизительное время совершения убийства - около 6 часов вечера.* Исходный НК (А) позволяет оратору указать на действительную цель преступника (промежуточный НК В), а исходный НК (С) «время приготовления чая» свидетельствует о времени преступления (промежуточный НК D). Собирая детали события, оратор готовит базу для последующей аргументации.

Доказываемые НК, являющиеся целью оратора, обосновываются посредством как промежуточных, так и исходных НК. Во фрагменте из речи «По делу об осклоплении купеческого сына Горшкова» *(А) Если бы он не был скопец в душе, то он навсегда бы с негодованием отвернулся от окружающих его скопцов. Если (В) в один прекрасный день малолетний сын Горшкова, постоянно проживавший при отце в Петербурге, оказывается осклопленным; (С) если рассказ его об осклоплении неправдоподобен; если (D) отец его не ропщет, не жалуется, не негодует на то, что его сын навеки "испорчен"; если (Е) он поддерживает тесную связь с лицами, из среды которых вышли губители его сына; если, (F) нимало не заботясь о судьбе исчезнувшего сына, он так интересуется теми людьми и скорбит о предстоящих скопчеству опасностях, то мы можем сказать, что (G) этот человек пожертвовал своим сыном для скопческого дела* промежуточные НК (А-С, Е-F) напоминают, с одной стороны, о совершенных подсудимым действиях (А, С, Е, F), а с другой – об обстоятельствах преступления (В). На основе их сочетания с исходным НК (D) «поведение подсудимого» делается вывод о доказываемом НК (G) «совершение подсудимым преступления».

А. Ф. Кони определяет свой замысел как всесторонний анализ материалов дела, что обуславливает использование разнообразных речевых актов, помогающих присяжным самостоятельно прийти к судебному решению. По способу оперирования материалом речевые акты делятся на акты фальсификации, включения и расположения.

Акты фальсификации устанавливают ложность НК и предполагают такие разновидности, как исключение, сопоставление, интерпретацию и т.д. В речи «По делу о нанесении побоев» для фальсификации версии, изложенной подсудимым (исходный НК А), приводятся свидетельские показания, содержащие иную информацию о рассматриваемом компоненте (исходный НК В): Подсудимый объясняет, что (А) был раздражен и рассержен грубостями и дерзким обращением извозчика. Но свидетели Склаво, Ковалевский и Буймистров единогласно утверждают, что в (В) требованиях извозчика не было ничего дерзкого и он грубостей никаких не говорил, а тем более не размахивал руками и не задевал подсудимого. Поэтому речевой акт реализуется как исключение НК (А) и введение истинного НК (В).

Речевые акты включения подразделяются на акты обоснования, интерпретации, построения предположений, обобщения, сопоставления полученных данных и ориентированы на дополнение картины случившегося необходимыми сведениями. Так, речевой акт включения из речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» Из слов их [экспертов] оказывается, что (А) Шляхтин не человек, не владеющий здоровым смыслом, а человек нервный, раздражительный, болезненный от неправильной жизни, что он от не всегда, может быть, приятно слагавшихся обстоятельств сделался человеком впечатлительным, на которого всякое препятствие действует раздражающим образом, вызывая сильное нервное расстройство и заставляя горячиться там, где человек нормальный, обыкновенный этого делать не будет. Я говорю: [Шляхтин] (В) человек обыкновенный, человек нормальный! состоит в обосновании вменяемости подсудимого. В ходе обоснования промежуточного НК (В) «характер подсудимого» А. Ф. Кони в качестве довода приводит заключение экспертов, переданное исходным НК (А) «свойства личности подсудимого». Этот вид речевого акта включения является в речах А. Ф. Кони самым распространенным и свидетельствует о стремлении оратора к доказательности позиции.

Речевые акты расположения делятся на акты повествования, описания и обобщения и заключаются в соединении исходных и промежуточных НК в единую последовательность. В речи «По делу о подлоге завещания от имени К. Беляева» расположение связано с формулированием тезиса речи: Я обвиняю (А) Александра Мясникова в том, что (В) он задумал составить подложное завещание от имени Беляева и (С) привел это намерение в исполнение. Здесь обобщаются доказываемые НК (А) «обвиняемый», НК (В) «его замысел» и НК (С) «исполнение замысла». Данный акт позволяет свести элементы, обосновываемые оратором в разных частях выступления, и на их основе сформулировать позицию

обвинения. Речевые акты расположения придают мысли оратора необходимую упорядоченность в представлении события правонарушения.

Композиция судебных речей А. Ф. Кони включает следующие части: 1) изложение фактических обстоятельств дела; 2) анализ и оценку собранных по делу доказательств; 3) анализ причин и условий совершения преступления; 4) характеристику личности подсудимого; 5) характеристику личности потерпевшего; 6) обобщение результатов анализа обстоятельств дела; 7) формулирование тезиса речи. Поскольку композиционная часть предполагает тему и способ ее раскрытия, то композиция речи есть единство тематического распределения материала и способов оперирования им. При этом если части «анализ и оценка собранных по делу доказательств», «анализ причин и условий совершения преступления» организуются речевыми актами фальсификации, включения и, соответственно, содержат НК всех трех типов, то части «изложение фактических обстоятельств дела», «характеристика личности подсудимого», «характеристика личности потерпевшего», «обобщение результатов анализа обстоятельств дела» и «формулирование тезиса речи» по большей части состоят из речевых актов расположения, оперирующих исходными и доказываемыми НК.

В качестве примера приведем композиционную часть «анализ собранных по делу доказательств» речи «По делу о подлоге расписки», состоящую в обосновании факта совершения подсудимым Торчаловским подлога расписки. Задача решается в несколько этапов с применением разнообразных речевых актов, оперирующих множеством НК.

Первый этап реализуется тремя речевыми актами фальсификации исходных НК «причина выдачи расписки» (1, 2) и «действие потерпевшей» (3). Посредством речевого акта фальсификации оратор исключает исходный НК (А) «причина выдачи расписки» путем приведения исходных НК (В и С) «отношение подсудимого к потерпевшей» и «отношение потерпевшей к подсудимому», почерпнутых из материалов дела: 1. В сделке значитса, что (А) 35 тыс. княгиня дает за почтительность к ней Торчаловского в качестве ее посаженого сына и за хорошее управление ее делами. ... (В) притом почтительность Торчаловского ни в чем особенно не выразилась, а если в письмах его содержится изрядная доля льстивых выражений относительно княгини Щербатовой, то (С) вместе с этим целым рядом свидетелей объяснено, что ее выражения о Торчаловском далеко не были ласковы и не обличали, чтобы его почтительность ее особенно трогала. Следующий речевой акт 2. (А) Если эти 35 тыс. даны Торчаловскому за его хорошее управление именем княгини, то (В) ничем не доказано, что он управлял таким образом, а напротив, ничем не может быть опровергнуто, что, (С) по ее настойчивым и неоднократным отзывам, он управлял очень дурно именем в Чернигов-

ской губернии и домом в Петербурге. ...При этом за (D) управление домом в течение нескольких месяцев он получал жалованье, на что указывают две расписки в деле состоит в исключении исходного НК (A) «причина выдачи расписки» при помощи исходных НК (B, C, D), указывающих на характеристику деятельности подсудимого. Завершается первый этап речевым актом фальсификации НК (D) «действие потерпевшей» путем обобщения сведений о характере отношений подсудимого и потерпевшей: 3. Итак, (A) Торчаловский далеко не блестящим образом управлял у княгини Щербатовой, вызывая постоянно ее неудовольствие, (B) получал жалованье, следовательно, служил не безвозмездно, да (C) и служил-то всего-навсего у княгини в течение двадцати лет только один год: полгода в Черниговской губернии и полгода в Петербурге. (D) Возможно ли, чтобы за это княгиня Щербатова дала ему 35 тыс. руб.?!

Второй этап состоит в установлении признаков подложности записки и воплощается пятью речевыми актами: расположением сведений об обстоятельствах засвидетельствования расписки (1), включением НК «несоответствие поведения подсудимого обстоятельствам» (2), расположением сведений о ходе подписания расписки потерпевшей Щербатовой (3), включением НК «признаки совершения подсудимым подлога» (4, 5). Вводимые речевым актом 1. Перейдем к способу составления расписки. Торчаловский объясняет, что (A) все дело сначала шло хорошо, что, выдавши ему расписку на 35 тыс. руб., княгиня хотя и могла ожидать каждый день требования уплаты, но тем не менее оставалась совершенно спокойною и держала Торчаловского у себя. (B) Но это продолжалось лишь до тех пор, покуда Бартошевич, Миних и Энгельгардт, его исконные враги, не соединились вместе и не выжили его из дому посредством разных оскорблений сведения – НК (A) «получение расписки» и НК (B) «причина ухода подсудимого» – оратор разъясняет в дальнейшем. С учетом имеющихся сведений оратор сопоставляет возможности, предоставленные Торчаловскому для заверения расписки (НК A), с совершенными подсудимым действиями НК (B): 2. Но (A) если для Торчаловского, который, по его словам, сумел приобрести наибольшее количество доверия и расположения княгини, эти люди были заклятыми врагами, то не гораздо ли лучше было их же и заставить быть свидетелями и расписаться на документе. Таким образом он заставил бы этих людей не опровергать расписку, а явиться в суд свидетелями, утверждающими правильность расписки. Заставив своих врагов приложить руку к документу, он зажал бы им в то же время рот и совершенно себя обезопасил. Но он ничего этого не сделал; (B) он оставил своих врагов в стороне и выбрал свидетелем другое лицо – дворника. Тем самым указывается на несообразность в поведении Торчаловского. Исходные НК, организующие речевой акт 3 – речевой акт расположения, почерпнуты из

показаний свидетеля: 3. Он [Аверьянов] говорит, что подписание расписки происходило следующим образом: (А) Торчаловский принес расписку к княгине, но читал ли он ей эту расписку, Аверьянов не знает, потому что был в другой комнате и не слышал, (В) а затем был позван в комнату княгини, и там Торчаловский просил княгиню позволить дворнику подписать расписку, - княгиня сказала: "Подпиши, Павел". (С) После этого Торчаловский вышел в следующую комнату и прочел ему из числа нескольких бумаг, бывших у него в руках, одну, которая и была той распиской, о которой идет речь в настоящем деле, и затем, послав его снова к княгине, (D) Торчаловский ушел в столовую, и когда через четверть часа туда пришел Аверьянов, тогда-то и совершилось подписание им расписки. Эти исходные НК называют действия, которые совершил подсудимый при подписании расписки. Следующий речевой акт заключается во включении НК «действие подсудимого», для чего оратор разъясняет смысл каждого из составляющих речевой акт исходных НК: 4. Из этого объяснения выходит, что (А) собственно Аверьянов не может удостоверить, ту ли действительно расписку он подписал, относительно которой ему говорила княгиня, так как он не знает, что именно читал ей Торчаловский. (В) Она была в числе других документов, следовательно, княгине могли быть прочитаны и другие расписки, например в получении денег от жильцов. (С) Таким образом, в показании Аверьянова есть указание, что Торчаловский мог воспользоваться его простотою и дать ему подписать расписку, которая не была прочитана княгине, а прочитана лишь ему, Аверьянову. За счет разъяснения смысла НК (А, В) устанавливается промежуточный НК (С) «обстоятельства засвидетельствования расписки». На основании этого НК А. Ф. Кони продолжает установление признаков преступления в действиях подсудимого в пятом речевом акте: 5. Если принять это толкование способа выдачи расписки, то оказывается, что (А) Торчаловский приводит и заставляет расписаться на расписке такого свидетеля, который, вполне подтверждая фактическую сторону дела в том виде, как он рассказал о ней пред нами, вместе с тем дает возможность к разным предположениям и неприятным для Торчаловского толкованиям, нисколько не объясняя самой сущности дела. Но разве можно довольствоваться таким свидетелем, разве можно действовать так неосторожно? Ведь (В) Торчаловский – юрист, ходатай, отчего же (С) он не прочел расписку княгине при Аверьянове, с ударением на цифру денег, которые давала ему княгиня; неужели можно допустить, чтобы (D) княгиня так просто, без всякой торжественности, с ее стороны весьма естественной в этом случае, подписала документ и даже удержалась от того, чтобы не похвастаться перед Павлом. НК (А) является результатом интерпретации НК (С) «обстоятельства засвидетельствования расписки» из предыдущего

речевого акта. Напоминая сведения о подсудимом (НК В), оратор указывает на странность действий подсудимого (НК С). НК (D) представляет собой разъяснение смысла НК (В) «образ действий Щербатовой при составлении расписки» из речевого акта, сообщающего о ходе подписания документа (З).

Третий этап реализован одним речевым актом и нацелен на определение в действиях Торчаловского признаков сокрытия следов преступления. Для этого НК (А) «действия подсудимого» приводится в связи с разъясняющим его НК (В) «образ действий человека в определенной ситуации», и на основе этих НК делается вывод о мотивах Торчаловского НК (С). Новый НК (С) является доказываемым, а НК (А и В) выполняют роль доводов: *Затем начинаются дальнейшие похождения Торчаловского с распискою. У него враги в доме княгини, они сжигают его со свету, и что же? (А) Получив расписку, он обратился именно к одному из этих своих врагов - к поверенному княгини Бартошевичу – и предложил ему 20%, или 7 тыс. руб., за то, чтобы он помог ему в этом деле, просил даже и не взыскать, а просто помочь. (В) Разве так стал бы делать человек, совершенно уверенный в своей правоте? ...Мне кажется, что это можно объяснить единственно тем, что (С) он нуждался в обезоружении своего главного и опасного противника. Он знал, что княгине осталось недолго жить, что около нее стоял один знающий дело и верный ей человек. Это был Бартошевич. Торчаловскому нужно было его обезоружить, сделать участником своих интересов, склонить на свою сторону. А этого можно достичь, только сделав Бартошевича своим поверенным. Вот почему он и обратился прежде всего к нему. Установление промежуточного НК (С) происходит путем интерпретации НК (А и В). После того, как сведения, указывающие на виновность подсудимого, проанализированы, оратор переходит к четвертому этапу.*

Четвертый этап представлен речевым актом, связанным с обобщением результатов анализа и включением доказываемого НК (С) «факт совершения преступления»: *(А) Отношений, допускающих такой значительный дар со стороны княгини, между нею и Торчаловским не существовало; (В) форма расписки не соответствует значительности поставленной в ней суммы; способ ее составления, а также и остальные действия Торчаловского не соответствуют тому, что следовало бы ожидать при существовании действительного документа на 35 тыс. руб. Поэтому есть основание утверждать, что (С) расписка подложна и составлена преступной рукою. Утверждая виновность подсудимого, оратор синтезирует в пределах НК (А) содержание речевых актов фальсификации причин выдачи расписки, формирующих 1 этап разбираемой композиционной части, а в границах НК (В) объединяет содержание ре-*

чевых актов, ориентированных на установление признаков подложности завещания (2 этап).

Уровневый анализ судебного нарратива позволяет выявить показатели становления риторической манеры А. Ф. Кони. На развитие нарратива речей А. Ф. Кони оказали влияние (1) языковая, (2) экстралингвистическая и (3) субстантная детерминанты. Поскольку А. Ф. Кони был блестящим знатоком родного языка, то оптимизация текста была подчинена им раскрытию внутренних резервов русского языка, его внутренней формы, заключающейся, по определению Г. П. Мельникова, в «адаптированности всех единиц и всех уровней языковой системы к выражению по возможности замысла любого высказывания через предложение, номинативный смысл которого построен по схеме развивающегося события». По мере того как А. Ф. Кони реализует особенности внутренней формы русского языка, конструирование события осуществляется за счет подчинения анализа повествованию. Дискурсивная деятельность А. Ф. Кони как судебного оратора осуществлялась в суде присяжных, что вызвало применение максимально удобных для слушания способов обоснования криминального события. Учет данного обстоятельства составляет важную экстралингвистическую детерминанту развития нарратива в речах А. Ф. Кони. Субстантное условие развития определяется предметом речи, а именно, событием правонарушения, для которого релевантной формой воплощения выступает нарратив.

Происходящие с нарративом изменения выражаются прежде всего в трансформации способа развития мысли. Если ранние речи подчинены логике рассмотрения правонарушения с разных позиций, то поздние выступления оратора строятся в соответствии с закономерностями протекания события. В ходе становления риторической стратегии А. Ф. Кони происходит перераспределение составляющих уровней нарратива (НК, речевых актов, композиционных частей), в результате чего начинают доминировать те средства оперирования содержанием, которые обеспечивают конструирование нарратива по схеме развивающегося события. В ранних речах, где оратор отталкивается от собранных доказательств и на их основе строит версию произошедшего, реализуются по преимуществу речевые акты фальсификации и включения при подчиненном положении речевых актов расположения. В речах, ориентированных на развитие мысли по схеме развивающегося события, доминируют речевые акты расположения, и увеличивается доля исходных НК. По мере развития нарратива усиливается роль синтезирующих композиционных частей, таких как «характеристика личностей подсудимого и потерпевшего», «анализ причин и условий совершения преступления». Направленная на анализ НК часть «анализ собранных по делу доказательств» оказывается в подчиненном положении, а «обобщение резуль-

татов анализа материалов» практически не конструируется за отсутствием необходимости в дополнительных макроструктурах.

В заключении подводятся основные итоги исследования, оценивается его перспективность. Последующее развитие проблематики исследования связывается с изучением нарратива как компонента риторических стратегий, реализованных в современных судебных, политических, лекторских выступлениях, а также с формированием представления об 1) индивидуально-авторской манере разных ораторов, 2) ораторском стиле разных исторических периодов и национальных риторических идеалов.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК:

1. *Князькова, Т. В.* О конативной организации высказывания в связи с риторическим учением Аристотеля / Т. В. Князькова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Вып. 489. Проблемы соотношения культуры, языка и мышления в парадигме современной английской лексикологии. – Сер. Лингвистика. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2004. – 0,25 п. л.
2. *Артемова, Т. В.* Нарратив как элемент риторической стратегии (на материалах судебных речей А. Ф. Кони / Т. В. Артемова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – № 43. – 2007. – 0,4 п. л.

Другие публикации:

3. *Князькова, Т. В.* Классическая модель речепроизводства: на материале «Краткого руководства к риторике...» и «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова / Т. В. Князькова // Риторика: учебно-методический комплекс для студентов гуманитарных факультетов. – Кемерово: КемГУ, 2002. (Издание зарегистрировано в ФГУП НТЦ «Информрегистр», № госрегистрации 0320300093, св. № 2481 от февраля 2003 г., а также Российском агентстве по патентам и товарным знакам (Роспатент), № заявки 2003620072, св. № 2003620107 от 27.05.03 г.). – 0,8 п. л.
4. *Князькова, Т. В.* Классическая модель речепроизводства: на материале «Краткого руководства к риторике...» и «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова / Т. В. Князькова // Араева Л. А., Вяткина М. В., Малахова Н. Е., Катышев П. А., Князькова Т. В., Оленев С. В., Стрыгина О. В. Риторика. – Кемерово: КемГУ, 2002. – 0,8 п. л.

5. *Князькова, Т. В.* Адресат как центральный принцип «Риторики» Аристотеля / Т. В. Князькова // Наука и образование: материалы V Международной научной конференции (26–27 февраля 2004 г.) – Белово: Беловский полиграфист, 2004. – 0,2 п. л.
6. *Князькова, Т. В.* Функциональная специфика судительного нарратива (на материале речи А. Ф. Кони «О нанесении побоев») / Т. В. Князькова // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: тезисы докладов II Международной научно-практической конференции (22–24 сентября 2004 г.) – Бийск: НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина, 2004. – 0,2 п. л.
7. *Князькова, Т. В.* Риторическая функция судительного нарратива (на материале речи А. Ф. Кони «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем») / Т. В. Князькова // Актуальные проблемы русистики: материалы Международной научной конференции (Томск, 21–23 октября 2003 г.). – Вып. 2. – Ч. 2. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 0,5 п. л.
8. *Князькова, Т. В.* Воздействующая функция нарратива (на материале судебных речей А. Ф. Кони) / Т. В. Князькова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону – Адлер, 6–12 сентября 2003 г.). – Выпуск 2. История. Культура. Язык. – Ростов н/Д: Ростовский госуниверситет, 2003. – 0,1 п. л.
9. *Князькова, Т. В.* Судительный нарратив как стратегия организации риторизованного высказывания / Т. В. Князькова // Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования: материалы III Международной науч.-практ. конференции. – Ч. 2. – Тамбов: Першина, 2005. – 0, 25 п. л.
10. *Князькова, Т. В.* Деривация судебного нарратива / Т. В. Князькова // Актуальные проблемы современного словообразования: труды Международной научной конференции (г. Кемерово, 1–3 июля 2005 г.). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. – 0,6 п. л.
11. *Князькова, Т. В.* Развитие нарративной системы в идиостиле А. Ф. Кони / Т. В. Князькова // Современная филология: актуальные проблемы теории и практики: сборник материалов Международной научной конференции. Красноярск, 21–23 сентября 2005 г. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2006. – 0,3 п. л.
12. *Князькова, Т. В.* Профессиональное становление языковой личности / Т. В. Князькова // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов. – М., 30 мая –

- 2 июня 2006 г. – Калуга: ИП Кошелев (Издательство «Эйдос»), 2006. – 0,1 п. л.
13. *Князькова, Т. В.* Нарратив как показатель развития языковой личности (на материале судебных речей А. Ф. Кони) / Т. В. Князькова // III Международные Бодуэновские чтения (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы. – Т. 1. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 0,2 п. л.
 14. *Князькова, Т. В.* Становление коммуникативной личности А. Ф. Кони / Т. В. Князькова // Наука и образование: материалы VI Международной научной конференции (2–3 марта 2006 г.). – Белово: Беловский полиграфист, 2006. – 0,25 п. л.
 15. *Князькова, Т. В.* Развитие языковой личности А. Ф. Кони: от коммуникативной компетентности к риторической / Т. В. Князькова // Междисциплинарные исследования в современной лингвистике: рабочие материалы научной конференции кафедры стилистики и риторики (Кемерово, 17 июня 2006 г.). – Кемерово: б.м.и., 2006. – 0,1 п. л.
 16. *Князькова, Т. В.* Нарратив как показатель риторической компетенции / П. А. Катышев, Т. В. Князькова // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: материалы филологических чтений имени профессора Р. Т. Гриб. – Вып. VI. – Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 2006. – 0,3 п. л.
 17. *Князькова, Т. В.* Нарратив как способ организации эффективного профессионального поведения (на примере обвинительных речей А. Ф. Кони) / Т. В. Князькова // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сборник материалов X Международной конференции по риторике (1–3 февраля 2006 года). – М.: Флинта: Наука, 2006. – 0,2 п. л.
 18. *Князькова, Т. В.* Эволюция нарративной структуры в речах А. Ф. Кони / Т. В. Князькова, П. А. Катышев // Юрислингвистика – 7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. статей. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. – 0,8 п. л.
 19. *Князькова, Т. В.* Роль нарративной системы в осуществлении авторского замысла (на примере обвинительной речи А. Ф. Кони «по делу об убийстве иеромонаха Иллариона») / Т. В. Князькова // Юрислингвистика – 8: Русский язык и современное российское право: сб. статей. – Кемерово-Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 0,5 п. л.
 20. *Князькова, Т. В.* Классическая модель речепроизводства: на материале «Краткого руководства к риторике...» и «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова / Т. В. Князькова // Араева Л. А., Катышев П. А., Малахова Н. Е., Князькова Т. В., Оленев С. В., Паули Ю. С., Стрыгина О. В. Риторика: учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 0,8 п. л.

21. *Князькова, Т. В.* Ортология судебной речи: на материале речей по уголовным делам / П. А. Катышев, Т. В. Князькова // Араева Л. А., Катышев П. А., Малахова Н. Е., Князькова Т. В., Оленев С. В., Паули Ю. С., Стрыгина О. В. Риторика: учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 2,8 п. л.
22. *Артёмова, Т. В.* Понятие нарратива: дисциплинарные контексты и традиции изучения / Т. В. Артёмова // Материалы научно-практической конференции «Русский язык как важный социальный фактор объединения наций и народностей» (19-21 декабря 2007 года). – Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 2007. – 0,3 п. л.
23. *Артёмова, Т. В.* К вопросу об определении понятия «риторическая стратегия» / Т. В. Артёмова, П. А. Катышев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 1(1). – Ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2008. – 0,4 п. л.
24. *Артёмова, Т. В.* Стратегия как феномен коммуникации / Т. В. Артёмова // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: труды Международной научно-практической конференции (Кемерово, 4 июля 2008 года). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 0,2 п. л.
25. *Артёмова, Т. В.* Термин «адресат» в контексте соотносимых категорий / Т. В. Артёмова // Креативная языковая личность в этносоциокультурном и прагмалингвистическом контексте: материалы Международной научной конференции «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – 0,3 п. л.
26. *Артёмова, Т. В.* Понятие нарратива в гуманитарных дисциплинах: о проблеме определения / Т. В. Артёмова // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 0,4 п. л.
27. *Артёмова, Т. В.* Рецензия: Н. Н. Ивакина. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учебное пособие. – М.: Юристь, 2007 / Т. В. Артёмова, П. А. Катышев // Юрислингвистика – 9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 0,3 п. л.

Подписано к печати 18.11.2008. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Уч.-изд. л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ № 118

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.

107